

З. Ю. Петрова
Москва

ОТРИЦАНИЕ И СПОСОБЫ ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПОЭЗИИ БРОДСКОГО

Отрицание — одна из важнейших и определяющих категорий в индивидуальном стиле Бродского как на формальном, так и на смысловом уровнях. Рассмотрим различные способы выражения отрицания в текстах Бродского и их связь с основными семантическими инвариантами его творчества.

На синтаксическом уровне отрицание выражается разными типами отрицательных предложений. Самый частотный тип — это «частица *не* + глагол в личной форме» (в стихотворных примерах курсив мой. — З. П.):

в 1-м лице:

я: «Я жизни своей не люблю, не боюсь, / я с веком своим ни за что не борюсь» (1, 174); «Казни я *не страшусь*, как ни страшна разверстость / сей безграничной тьмы» (2, 18); «я *не любил* жлобства, *не целовал* иконы» (3, 150);

мы: «Мы не пьем вина на краю деревни. / *Мы не ладим* себя в женихи царевне. / *Мы в густые щи не макаем* лапоть» (3, 31—32);

во 2-м лице: [Витеславу Незвалу] «Я говорю, а ты меня *не слышишь*. / *Не крикнешь*, нет, и слова *не напишешь*, / ты мертвых глаз теперь *не поднимаешь* / и мой, живой, язык *не понимаешь*» (1, 46); [читателю] «Ты для меня *не существуешь*» (4, 29);

в обобщенно-личном предложении: [ветер и кусты] «Их диалог *не разберешь*, / пока один» (1, 220);

в 3-м лице: «Но даже тихий снегопад, / откуда он, *не даст* ответа» (1, 186).

Часто встречаются предложения с отрицанием «нет» («нету») в качестве сказуемого: «а я опять задумчиво бреду... в ту дальнюю страну, где больше *нет* / ни января, ни февраля, ни марта» (1, 207); «Прогресса *нет*. И хорошо, что нет» (2, 249); «дальше вроде / *нет* страницы податься в живой природе» (3, 139); «Но тех, кто любили меня больше... *нету* в живых» (3, 280); «Причин на свете *нет*, / есть только следствия» (3, 274).

Бродский неоднократно употребляет парадоксальные высказывания, в которых сначала говорится о чем-то, затем этот предмет речи отрицается: «Там хмурые леса стоят в своей рванине. / Уйдя из точки “А”, там поезд на равнине / стремится в точку “Б”.

Которой *нет* в помине» (3, 147). Осмысленность подобного высказывания тут же объясняется: «Но в том и состоит искусство // любви, вернее, жизни — в том, / чтоб видеть, чего *нет* в природе» (2, 390).

Есть контексты, в которых предлагается совершить некоторое действие с несуществующей реалией: «То, чего *нету*, умножь на два: / в сумме получишь идею места» (3, 89).

Вариант предложения с *нет* — предложение с *ни* + существительное: «На прощанье — *ни* звука. / Граммофон за стеной» (2, 244).

Кроме глагола отрицательная конструкция может состоять из частицы *не* и существительного, *не* и прилагательного, *не* и наречия (или категории состояния), *не* и местоимения.

Не + существительное: «отчизне мы *не* судьи. Меч суда / погрязнет в нашем собственном позоре» (2, 214); «Никто из нас другим *не* властелин, / хотя поползновения зловещи» (2, 241); «Пусть торжество икры / над рыбой еще *не* грех, / но ангелы — не комары, / и их *не* хватит на всех» (3, 256). (Кстати, среди таких предложений встречаются метафорические: «Ты *не* птица, чтоб улетать отсюда» (3, 139); «Но прошедшее время вовсе *не* пума и / *не* борзая, чтоб прыгнуть на спину и, свалив / жертву на землю, вас задушить в своих / нежных объятьях» (3, 245)).

Не + краткое прилагательное: «Я *не* способен к жизни в других широтах» (3, 200); «я *не* более зряч, чем Назонов Калхас» (2, 202); «С тех пор, как ты навсегда уехала, / похолодало, и чай *не* сладок» (4, 21).

Не + наречие, категория состояния: «Ибо врозь, а *не* подле / мало веки смежать / вплоть до смерти. И после / нам *не* вместе лежать» (2, 244); «Теперь исчезли стрелки на часах. / Не только их *не* видно, но *не* слышно» (1, 199).

Бродский употребляет множество «отрицательных» наречий: *невзначай*, *невтерпеж*, *невдомек*, *недосуг* и др., из которых чаще встречается *нельзя*: «Но если что и различал, / то значило: “*нельзя* вернуться”» (1, 148); «Как пейзажу с места вбок, / нам с ума сойти *нельзя*» (3, 266).

Не + местоимение: «До свиданья! Прощай! там *не* ты — это кто-то другая» (1, 145); [бабочке] «...Мир создан был без цели, / а если с ней, / то цель — *не* мы» (3, 23—24).

Помимо изъявительного наклонения отрицательные формы могут использоваться в повелительном наклонении: «*Не* купись на басах, *не* сорвись на глухой фистуле» (2, 210); «...Поддержки чьей-нибудь *не* жди, / сядь в поезд, высадись у моря» (2, 310); «И *не* спрашивай, если скрипнет дверь, / “Кто там?” — и никогда *не*

верь / отвечающим, кто там» (3, 90); «*Не* выходи из комнаты, *не* совершай ошибку» (2, 410).

Могут быть высказывания с отрицательными формами глаголов, выражающие пожелания: [городу] «*Да не* будет дано / умереть мне вдали от тебя...» (1, 168); «*Дай* Бог тогда, чтоб *не* было со мной / двуострого меча...» (2, 198).

Очень часты в стихотворениях Бродского конструкции «*не* + инфинитив», выражающие невозможность совершить соответствующее действие по не зависящим от субъекта причинам: «*Боль же / не заглушить* ничем. Дух не властен над нею» (2, 17); «...*И тебе не понять*, / да и мне *не расслышать*, наверное...» (2, 47); «*Иголку / больше не отыскать* / в человеческом сене» (3, 181); «*В качку, увы, не устоять* на палубе. / *Бурю, увы, не срисовать* с природы» (4, 21).

Другое значение имеет похожая по форме конструкция «*не* + инфинитив + частица *же*»: «*Сам себе наливаю кагор — не кричать же* слугу...» (2, 312).

Близкое к конструкции «*не* + инфинитив» значение имеет конструкция «*не* + 2-е лицо глагола»: «*Теплый / дождь / моросит. / Как и льву, им гортань не остудишь*» (2, 206); «*С государством щей не сварись. / Если сварись — отберёт*» (2, 347); «“*Ты боишься смерти?*” — “*Нет, это та же тьма; / но, привыкнув к ней, не различишь в ней стула*”» (3, 77).

Встречаются высказывания со словами *не стоит, не следует, не надо*: «“*В* наши дни, — так они говорят, — *не стоит / заводить фотографий*”» (1, 75); «*Не следует* настаивать на жизни / страдальческой из горького упрямства» (1, 172); «*Не стоит* подбирать сюда ключи. / *Не тут хранится этот клад забвенный*» (1, 196).

Отрицательная частица *не* может употребляться вместе с союзами. Очень частотно у Бродского сочетание *не..., а (но)*, которое можно считать отличительным признаком его идиостиля (варианты: если *не..., то; когда не..., то*). Такое сочетание позволяет поэту создавать оппозиции, проясняющие, подчеркивающие его мысль: «...*смерть выбирает не красоты слога, / а неизменно самого певца*» (2, 115); «*Здесь снится вам не женщина в трико, / а собственный ваш адрес на конверте*» (3, 28); «*Видно, время бежит; но не в часах, а прямо. / И впереди, говорят, не гора, а яма*» (4, 120); «*Уже не Бог, а только Время, Время / зовет его*» (2, 115); «*Пусть не бессмертие — перегной / вберет меня*» (2, 175); «*Боль же / учит не смерти, но жизни*» (2, 234); «*Наверно, тем искусство и берет, / что только уточняет, а не врет...*» (2, 240); «*На древнем камне я стою один, / печаль моя не оскверняет древность — / усугубляет*» (2, 251); «*Эти слова мне диктовала не / любовь и не Муза, но потерявший скорость / звука пытливый, бесцветный голос...*» (3, 77).

Эта конструкция позволяет поэту

сформулировать свое кредо: «Не в том суть жизни, что в ней есть, / но в вере в то, что в ней должно быть» (2, 391); «Все, что творил я, творил не ради я / славы в эпоху кино и радио, / но ради речи родной, словесности» (3, 18);

обозначить свои предпочтения: «И речь бежит из-под пера / не о грядущем, но о прошлом...» (2, 309); «Но лучше мне говорить. <...> О вещах, а не о / людях» (2, 422);

определить понятие: «Данная поза, при всей приязни, / это лучшая гемма для нашей жизни. / И она — отнюдь не недвижность. Это — / апофеоз в нас самих предмета...» (2, 202); «Нас ждет не смерть, а новая среда» (2, 240);

скаламбурить: «Там, думал, и умру — от скуки, от испуга. / Когда не от руки, так на руках у друга» (3, 149);

расширить смысл высказывания, создавая неопределенность: «Не неволь уходить, разбираться во всем не неволь, / потому что не жизнь, а другая какая-то боль / приникает к тебе...» (1, 211);

создать перифразу: «Иначе и не вымолвить: чем может / быть не лицо, а место, где обрыв / произошел?» (2, 91);

метафору, сравнение: «Предо мною — / не купола, не черепица / со Св. Отцами: / то — мир вскормившая волчица / спит вверх сосцами!» (3, 210—211); «Над облаками синий небосвод / не потолок напоминал, а прорубь» (2, 172), «Забор / не тень свою отбрасывал, а зебру...» (2, 172);

обновить устойчивое сочетание: «Могу прибавить, что теперь на воре / уже не шапка — лысина горит» (2, 134).

В ряде случаев Бродский спорит с общеизвестными знаниями: «После нас — не потоп, / где довольно весла, / но наваждение толп, / множественного числа» (3, 256); «Адриатика... / лодки качает, как люльки; фиш, / а не вол в изголовье встает ночами» (3, 44); «Не по древу умом растекаться пристало пока, / но плевком по стене. И не князя будить — динозавра» (2, 312).

Иногда во вводной конструкции говорится об авторах того знания, с которым поэт не соглашается: «В деревне Бог живет не по углам, / как думают насмешники, а всюду» (2, 129).

Довольно часто встречается у Бродского сочетание *чтобы не (дабы не)*: «Возвышаю свой крик, / чтоб с домами ему не столкнуться...» (1, 202); «И — дабы не могли мы возомнить / себя отличными от побежденных — / Бог отнимает всякую награду...» (2, 198); «И уже ничего не снится, чтоб меньше быть, / реже сбываться, не засорять / времени» (4, 25).

Встречаются сочетания:

если не (коли не), если бы не (когда б не): «Если меня не спасет та птичка, / то есть если она не снесет яичка... <...> ...если только не ложь, что Лазарь / был воскрешен...» (2, 203); «Коль не подлюю

власть, / то самих мы себя перебором» (2, 210); «О чем / он думал бы, когда б его не грызли / тоска, припадки?» (2, 213); «И если б здесь не делали детей, / то пастор бы крестил автомобили» (3, 28);

пока не: «Остается тихо сидеть, поститься / да напротив в окно креститься, / пока оно не погасло» (2, 190); «Пока не увяли цветы и лента / еще не прошла через известь лета...» (2, 228); «Но пока мне рот не забили глиной, / из него раздаваться будет лишь благодарность» (3, 191).

Встречается конструкция параллелизма, начинающаяся с *то не*, характерная для фольклора: «То не в церковь белую к венцу — / прямо к света нашего концу, / точно в рошу вместе за грибами» (2, 307); «То не колокол бьет над угрюмым вечем! / Мы уходим во тьму, где светить нам нечем» (3, 33); «То не Муза воды набирает в рот. / То, должно, крепкий сон молодца берет» (3, 196).

Довольно часто встречается у Бродского сочетание *ни... ни*, усиливающее отрицательный смысл высказывания: «Ни тоски, ни любви, ни печали, / ни тревоги, ни боли в груди...» (1, 169); «Ни облика, ни голоса петушьего / теперь уже в себе не нахожу» (1, 185); «Ни страны, ни погоста / не хочу выбирать» (1, 209); «Ни волхвов, ни осла, / ни звезды, ни пурги, / что младенца от смерти спасла...» (2, 10); «...Ни животных, ни яслей, ни Той, / над Которою — нимб золотой» (3, 7); «И уже / ни к высокому слогу, / ни к пространству, ни к Богу / не прибьется душе» (2, 121); «Ни свое нравный педагог, / ни группа ангелов, ни Бог, / перешагнув через порог, / нас не научат жить» (2, 133).

Интересны повторы частицы *не*, в которых сначала нечто утверждается, а потом отрицается: «Две девы — и нельзя сказать, что девы» (2, 116); или случаи, когда при характеристике чего-то отрицаются два антонима, не позволяя интерпретировать высказывание: «Вещь не стоит. И не / движется. Это — бред. / Вещь есть пространство, вне / коего вещи нет» (2, 424).

В подобных высказываниях поэт может давать выбор — нечто среднее: «Не жилец этих мест, / не мертвец, а какой-то посредник...» (1, 204); «...Не душа и не плоть — / чья-то тень над родным патефоном...» (1, 201). Такие случаи согласуются с отмечаемой исследователями тенденцией Бродского к размыванию границ между реалиями, неопределенности, неясности. Сюда же можно отнести конструкции *не то, чтобы...*, *но*: «Не то, чтобы весна, / но вроде» (2, 39).

Частица *не* употребляется Бродским в вопросах, в сочетании с *ли*, *или*, которые звучат как вопросы-сомнения и часто предполагают отрицательный ответ или же отрицательный ответ присутствует тут же, в тексте: «...Дорогая страна, / постоянный предмет воспеванья, / не любовь ли она? Нет, она не имеет названья»

(1, 203); «Застегни же зубчатую пасть. Ибо если лежать на столе, / то не все ли равно ошибиться крюком или морем» (2, 210); «Вообще — не есть ли / жестокость только ускоренье общей / судьбы вещей?» (3, 275).

Полемическое употребление частицы *не* в сочетании *не...*, а, о котором говорилось выше, становится одним из способов опровергнуть общеизвестные истины —

основы марксистской политэкономии: «К нам не плывет золотая рыбка. / Маркс в производстве не вяжет лыка. / Труд не является товаром рынка» (2, 182);

националистические взгляды: «Цветные нас, бесспорно, прижали. / Но не мы их на свет рожали, / не нам предавать их смерти» (2, 186);

учение Л. Толстого о непротивлении злу: «Зло существует, чтоб с ним бороться, / а не взвешивать на коромысле» (2, 189);

«Памятник» *Горация*: «Я не воздвиг уходящей к тучам / каменной вещи для их острастки. / О своем — и о любом — грядущем / я узнал у буквы, у черной краски» (3, 229).

Исключительно частотны в поэзии Бродского отрицательные местоимения (*никто, никем, ни с кем, ничто, ничего, некого, некому, нечего, нечем, не во что, никуда, ниоткуда, нигде, негде, ничей*), употребление которых определяется его мировоззрением¹: «И восходит в свой номер на борт по трапу / постоялец, несущий в кармане граппу, / совершенный *никто*, человек в плаще...» (3, 44); «И если кто-нибудь спросит: “кто ты?” ответь: “кто я, / я — *никто*”, как Улисс некогда Полифему» (4, 49); «Ты — *никто*, и я — *никто*. / Вместе мы — почти пейзаж» (3, 266).

Словами *никто, некого, некому* и пр. лирический герой характеризует и свое окружение, подчеркивая одиночество: «Новый вечер шумит, *никто* не вернется, над новой жизнью, / *никто* не пойдет под балконом твоим к тебе...» (1, 77); «*Никто* / меня не встретил. Да и самому / мне *некому* сказать уже: приди / туда-то и тогда-то» (2, 251); «Жалко, блюдец полно, только *не с кем* стола вертануть, / чтоб спросить с тебя, Рюрик» (2, 312); «...и обратиться *не к кому* с “иди на”» (3, 64); «И *некому* навести / взгляда на резкость» (3, 87).

При этом часто звучит положительная оценка: «Как хорошо, что *некого* винить, / как хорошо, что ты *ни с кем* не связан, / как хорошо, что до смерти любить / тебя *никто* на свете не обязан» (1, 71); «Как славно вечером собрать / листки в случайную тетрадь / и знать, что *некому* соврать...» (2, 133).

С помощью отрицательных местоимений характеризуются координаты поэтического мира:

нигде: «Зимний вечер с вином в *нигде*» (3, 128); «Под раскидистым вязом, шепчущим “че-ше-ше”, / превращая эту кофейню в *нигде*, в вообще / место...» (4, 52), «Там, за *нигде*, за его пределом... / есть какая-то вещь, предмет» (3, 47);

никуда: «Прохожий с мятым / лицом... / смотрит, объят покоем, / в то “*никуда*”, задержаться в коем / мысли можно, зрачку — нельзя» (3, 46);

ниоткуда: «И разносчики скромных даров / в транспорт прыгают, ломятся в двери, / исчезают в провалах дворов, / даже зная, что пусто в пещере: / ни животных, ни яслей, ни Той, / над Которою — нимб золотой. // Пустота. Но при мысли о ней / видишь вдруг как бы свет *ниоткуда*» (3, 7).

Встречаются также местоимения *негде, некуда, нечего, нечем, не к чему, не во что, ничей, ничего*: «За годы, ибо *негде* до — / до смерти нам встречаться боле...» (2, 388); «Дальше ехать *некуда*. Дальше не / отличить златоуста от златоротца» (3, 251); «И потом — океан. Глухонемой простор. / Плоская местность, где нет построек. / Где вам делать *ничего*, если вы историк, / врач, архитектор, делец, актер / и, тем более, эхо» (4, 114—115); «Шум Времени, известно, *ничем* / парировать» (4, 99); «Это — не страх ножа / или новых тенет, / но того рубежа, / за каковым нас нет. / Так способен Луны / снимок насторожить: / жизнь как меру длины / *не к чему* приложить» (3, 257—258); «Больше *не во что* верить, oprичь того, что / покуда есть правый берег у Темзы, есть / левый берег у Темзы. Это — благая весть» (3, 77); «Еле слышный / голос, принадлежащий Музе, / звучащий в сумерках, как *ничей*... нашептывает слова, не имеющие значения» (4, 22); «Сторожит у ручья скирда *ничья*...» (2, 95); «И вот бреду я по *ничьей* земле...» (2, 92); «Сумерки. Больше нет / *ничего*. Натюрморт» (2, 423); «И в форточку с шумом врывается воздух с моря — / оттуда, где нет *ничего* вообще» (4, 133).

Одно из ключевых слов Бродского — *ничто*. Этим словом он характеризует

воздух: «Воздух, бесцветный и проч., зато / необходимый для / существования, есть *ничто*, / эквивалент нуля» (3, 174);

время: «Затем, что дни для нас — / *ничто*. Всего лишь / *ничто*. Их не приколешь, / и пищей глаз / не сделаешь: они / на фоне белом, / не обладая телом, / незримы» (3, 20);

то, что будет после смерти: «Может, лучшей и нету на свете калитки в *Ничто*» (3, 58).

Поэт рассматривает *Ничто* как философскую категорию: «Спи. Земля не кругла. Она / просто длинна: бугорки, лощины. / А длинней земли — океан... / А земли и волны длинней / лишь вереница дней. // И ночей. <...> Но длинней стократ вереницы той / мысль о жизни и мысль о смерти. / Этой последней длинней

в сто раз / мысль о *Ничто*; но глаз // вряд ли проникнет туда...» (3, 91).

Кроме частиц *не*, *ни* отрицание на синтаксическом уровне выражается предлогом *без*. Отрицание с оттенком сомнения передают слова *вряд ли*, *едва ли*.

Для выражения идеи отрицания Бродский привлекает разнообразные фразеологизмы, устойчивые сочетания и выражения: *ни зги*, *ни черта*, *шаром покати*, *не судьба*, *не в радость*, *не по уму*, *черт знает с кем*, *правды сам черт не выбьет*, *сводит на нет*, *во избежание* и др.

Другой способ выражения отрицания — морфологический, с использованием приставок *не-* и *без-*. В стихотворениях Бродского частотны прилагательные и наречия с этими приставками (приставки могут отделяться от корня, а могут и нет): *необъяснимый*, *неизвестный*, *неизвестно*, *неведомый*, *непознанный*, *незримый*, *невидимый*, *негромкий*, *невнятный*, *невзрачный*, *неподвижный*, *недвижимый*, *неодушевленный*, *неясный*, *неразличимый*, *неотличимый*, *неуместный*, *неудачный*, *ненужный* и т.д. Например: «Плывет в тоске *необъяснимой* / среди кирпичного надсада / ночной кораблик *негазимый* / из Александровского сада...» (1, 134); «...итак, кому ж, как не / мне, катету, *незриму*, нему, / доказывать тебе вполне / обыденную теорему...» (2, 388); «...можно смириться с *невзрачной* дробью / остающейся жизни...» (3, 230); «Горный воздух, чье стекло / вздох *неведомо* о чем...» (3, 267); «Осталась только память о себе, / *негромкий* голос» (2, 365); «Спасибо, трагедия, за то, что *непоправима*...» (4, 105); «...Мой голос, торопливый и *неясный*, / тебя встревожит горечью напрасной...» (1, 143); «Для времени, однако, старость / и молодость *неразличимы*» (3, 284); «Я *неподвижен*. Два / бедра холодны, как лед» (2, 424); «*Неуместней*, чем ящер / в филармонии, вид / нас вдвоем в настоящем» (3, 186); «Там вдалеке завод дымит, гремит железом, / *не нужным* никому: ни пьяным, ни тверезым» (3, 148); «Но воображать себя / центром даже *невзрачного* мироздания / *непристойно* и *невыносимо*» (3, 303).

Частотны и прилагательные, и наречия с приставкой *без-* (*бес-*). Например, *беспредметный*, *безадресный*, *бесплатный*, *бесмысленный*, *бесцветный*, *безумный*, *безлюдный*, *бездомный*, *безнадежный*, *безжалостный*: «В конечном счете, чувство / любопытства к этим пустым местам, / к их *беспредметным* ландшафтам и есть искусство» (4, 49); «...*безадресная* искренность...» [языка] (4, 29); «Любая речь / *безадресна*, увы, об эту пору — / чем я сумел, друг-небожитель, спору / нет, пренебречь» (2, 366); «*Бесплотнее*, чем время, / *беззвучней* ты» [бабочке] (3, 23); «Право, чем гуще россыпь / черного на листе, / тем *безразличней* особь / к прошлому, к пустоте / в будущем» (3, 184); «За дверь *бесмыс-*

ленно всё, особенно — возглас счастья» (2, 410); «Чем *безнадежней*, тем как-то / проще» (3, 183); [Дерево] «*Бессмысленное, злобное, зимой / безлиственное...*» (2, 377); «...потерявший скорость / звука *бесцветный* голос...» (3, 77); «Для *бездомного* торса и праздных граблей / ничего нет ближе, чем вид развалин» (3, 227); «Потому прорицать — все равно, что кактус / или львиный зев подносить к забралу. / Все равно, что учить алфавит по Брайлю. / *Безнадежно*» (2, 202).

Часто встречаются существительные с приставками *не-*, *без-* (*небытие, недвижность, неподвижность, неодоушевленность, незримость, неузнаваемость, недостигаемость, невозможность, неумолимость, недоверие, несчастье, непониманье; безадресность, безымянность, безобразия, безумие, бессвязность, безнадежность, бессилие*). Например: «И вот бреду я по ничьей земле / и у *Небытия* прошу аренду...» (2, 92); «*Недвижность* чаш, / *незрячесть* глаз / слепых богинь» (2, 338); «Что может быть красноречивей, / чем *неодоушевленность*? Лишь / само *небытие...*» (4, 99); «Постепенно действительность превращается в *недействительность*» (4, 171); «Со всей *неумолимостью* тоски...» (2, 37); «Темнеет, точней — чернеет, вернее — деревенеет, / переходя ту черту, за которой лицо дурнеет, / и на его развалинах, вприсядку и как попало / *неузнаваемость* правит подобье бала» (4, 128); «*Ибо незримость* / входит в моду с годами — как тела уступка душе...» (3, 53); «*Невозможность* свиданья / превращает страну / в вариант мирозданья...» (2, 246); «*Ибо* вправду честней, чем делить наш ничей / круглый мир на двоих, / променять всю *безрадостность* дней и ночей / на *безадресность* их» (1, 198); «Но что до *безобразия* пропорций, / то человек зависит не от них, / а чаще от пропорций *безобразья*» (2, 167); «Необязательно помнить, как звали тебя, меня; / тебе достаточно блузки и мне — ремня, / чтобы увидеть в трельяже (то есть подать слепцу), / что *безымянность* нам в самый раз, к лицу...» (3, 247); «Над холодной водой автоматчик притих, / и душа не кричит во весь голос. / Лишь во славу *бессилия* этих двоих / завывает осенняя голость» (1, 182); «Сохраняю твой лик, устремленный на миг в *безнадежность*, — / безразличный тебе...» (1, 144); [Облака] «В вас мне ясна / рваность, *бессвязность*, / сумма и разность / речи и сна» (4, 67); «чей покой, / *безымянность, безадресность*, форму небытия / мы повторяем в летних сумерках — вяз и я?» (4, 52); «... так в ночной темноте, / обнажая надежды *беззубие*, / по версте, по версте / отступает любовь от *безумия*» (2, 47).

Среди существительных с приставками *не-*, *без-* есть неологизмы: *не-именье* (*неименье*): «Осень. Оголенность тополей / раздвигает коридор аллей / в нашем *не-именьи*» (2, 307); «Наяву / ты обладатель *неименья* / в вонючем Автово...» (2, 369); «...плюс нечет-

ные числа тем и приятны сердцу, / что они заурядны; мало кто ставит на / них свое состоянье, свое *неименье*, свой / кошелек...» (3, 262). Слово *недвижимость* переосмысливается, приобретает значение «то, что неподвижно» — оно же «вещь, предмет»: «О как мне мил кольцеобразный дым? / Отсутствие заботы, власти. <...> Одушевленный мир не мой кумир. / *Недвижимость* — она ничем не хуже» (2, 134). Сема «неспособность двигаться» обыгрывается в таком, например, контексте: «Другое дело — глиняный горшок. / Пусть то, что он — *недвижимость*, неточно. / Но движимость тут выражена в том, что / он из природы делает прыжок / в бездушие» (2, 170).

Другие неологизмы: «Впрочем, долой ходули — / до *несвиданья* в Раю, в Аду ли» (2, 237); «*Не-царевны-не-жабы* / припадают к земле...» (3, 48); «Ты, чай, / привычная к *не-доремифасоли*» (3, 70); «...вечного, увы, *неоткровенья*» (1, 70).

Встречаются существительные с приставкой *анти-*: «Перо скрипит в тишине, / в которой есть нечто посмертное, обратное танцам в клубе, / настолько она оглушительна; некий *антиобстрел*» (4, 71); «Незрячесть крепчает, зерно крупнеет; / ваш зрачок расширяется, и, как бы в ответ на это, / в мозгу всюду разгорается лампочка *анти-света*» (4, 128).

И наконец, можно говорить о собственно лексическом способе выражения отрицания, когда оно выражено основой слова, без приставок. У Бродского очень разнообразны и многочисленны такие слова: *пустота*, *пустой* [ничего нет] («Я пришел к Рождеству с *пустым* карманом»; 2, 179), группа слов со значением «разрушение, исчезновение, уничтожение, распад» (*исчезнуть* — [начать не существовать], *разрушить*, *уничтожить* — [сделать так, чтобы что-то не существовало]) («Чем тесней единенье, / тем кромешней *разрыв*»; 2, 245), *забывать*, *забвенья* [отрицание памяти] («Волхвы *забудут* адрес твой»; 2, 118), *один*, *одинокий*, *одинок* [никого нет вокруг], *молчанье*, *немой* [отсутствие звука], *глухой*, *слепой* и пр. [отсутствие способности слышать, видеть], *лишиться* чего-л. («...чаши *лишившись* в пиру Отечества, / нынче стою в незнакомой местности»; 3, 18), *поздно* [не осталось времени] («...*поздно* верить чудесам»; 2, 118), *прекратить*, *исключать*, *отрицать*, *вето*, *утрата*, *потеря*, *утратить*, *терять*, *напрасный* и др.

Все эти типы отрицательных конструкций связаны с выражением основных смысловых констант творчества Бродского. Интересно, что все эти константы чаще всего сами могут быть определены с помощью отрицаний. Перечислим их без установления иерархии между ними:

— невзрачность, незаметность лирического героя; глухой, тихий голос, в пределе — отсутствие голоса (немота). Эту константу

можно перефразировать как «нет значительного проявления в мире». Она выражается синтаксически — высказываниями с *не*: «Я говорю с тобой, и не моя вина, / если *не слышно*» (4, 31), морфологически — словами с приставкой *не-*: «Осталась только память о себе, / *негромкий* голос» (2, 365), лексически — голос — *глухой, приглушенный, тихий, бесцветный*: «Не шелохнется град, не встретенется весь / от голоса *приглушенного*» (2, 176); «Мой голос *глух*, но, думаю, не назойлив» (4, 31);

— отсутствие диалога с миром. Выражается высказываниями с *не-*: «Я говорю, а ты меня *не слышишь*» (1, 46); «...уже ни в ком / *не видя* места, коего глаголом / коснуться мог бы...» (2, 361), словом *молчанье* (в ответ на обращение): «Да. Говорю о времени себе, / но время мне отвечает *молчаньем*» (1, 137); «Не стану ждать / твоих ответов, Ангел, поелику / столь плохо представляемому лику, / как твой, под стать, / должно быть, лишь / *молчанье* — столь просторное, что эха / в нем не сподобятся ни всплески смеха, / ни вопль: “Услышь!”» (2, 362);

— притупленность восприятия лирического героя. Выражается высказываниями с *не*: «*Не слышу* слов...» (2, 93); «...я *не более зряч*, чем Назонов Калхас» (2, 202), словами, содержащими в себе отрицание: «Я из бездонных мозеровских блюд / так нахлебался варева минут / и римских литер, / что в жадный слух, / который прежде не был привередлив, / не входят щебет или шум деревьев — / я нынче *глух*» (2, 363); «Я *глуховат*. Я, Боже, *слеповат*» (2, 93);

— одиночество, «никого нет вокруг». Выражается отрицательными местоимениями, о которых говорилось выше, словами *одиноч*, *одиночество*, *отгородиться от людей* и др.;

— непознаваемость мира, необъяснимость происходящего. Выражается сочетанием *не* с глаголами понимания, знания и проч.: «...и *не пойму*, откуда и куда / я двигаюсь, как много я теряю / во времени...» (1, 136); «...слов я *не разберу* <...> слов твоих *не пойму*» (1, 170); «И люди все, и все дома, / где есть тепло покуда, / произнесут: пришла зима. / Но *не поймут* откуда» (1, 187); «Я факта *в толк не возьму* простого, / как дожил до Рождества Христова / Тысяча Девятьсот Шестьдесят Седьмого» (2, 180); «Откуда к нам пришла зима, / *не знаешь* ты, никто *не знает*» (1, 186); «В том будущем, о коем мы / *не знаем* ничего, о коем, // по крайности, сказать одно / сейчас я в состояньи точно: / что порознь нам суждено / с тобой в нем пребывать...» (2, 385), сочетанием этих глаголов в инфинитиве с *не дано*: «Воздух живет той жизнью, которой нам *не дано* / уразуметь...» (3, 77), словами *непознанный, необъяснимый, непонятно, неизвестно, непониманье, невдомек*.

Сюда же примыкают высказывания с глаголом *не помнить*: [Одиссей Телемаку] «Мне неизвестно, где я нахожусь, / что предо

мной. <...> *Не помню* я, чем кончилась война, / и сколько лет тебе сейчас, *не помню*» (3, 27); *не способен припомнить*: «Я уже *не способен припомнить*, когда и где / произошло событие. То или иное» (4, 30); с глаголом *забывать*: «Из *забывших* меня можно составить город» (3, 191); «Кто грядет — никому непонятно...» (3, 8); «Теперь отбой, / и *невдомек*, / зачем так много черного на белом?» (2, 366);

— неопределенность, неясность, размытость, неразличение. Выражается глаголами с частицей *не-*: «Зачем лгала ты? И зачем мой слух / уже *не отличает* лжи от правды, / а требует каких-то новых слов, / неведомых тебе...» (2, 249); словосочетаниями *не в силах отличить*: «И себя *отличить не в силах* от снятых брюк, / от висящей фуфайки — знать, чувств в обрез...» (3, 216); *нет различия*: «— Мертвый или живой, / *разницы*, жено, *нет*. / Сын или Бог, я твой» (2, 425), словами *неясный, неотличимый, сочетанием не... и не..., ни то, ни другое*, о которых говорилось выше. Этот же смысл выражается лексическим неологизмом *не-царевны-не жабы*;

— отсутствие смысла, значения, необходимости того, что происходит вокруг, и того, что делает лирический герой. Выражается словосочетаниями *не иметь значения, не нужно*: «Еле слышный / голос, принадлежащий Музе, / <...> нашептывает слова, *не имеющие значения*» (4, 22); «Что до сказанного мной, / мной сказанное никому *не нужно* — / и не впоследствии, но уже сейчас» (3, 276), словами *бессмысленный, бессмысленность* и др.;

— нет счастья, радости, надежды, сбывшейся любви;

— нет места, в котором лирический герой чувствует себя «дома». Выражается словами *бездомный, безадресный, безадресность*, отрицательными местоимениями, о которых говорилось выше: *нигде, никуда, ниоткуда*;

— и некоторые другие константы.

Иногда в одном контексте сочетаются сразу несколько типов отрицательных конструкций. Можно видеть синонимичность двух конструкций: «Не жилец этих мест, / не мертвец, а какой-то посредник, / <...> *никого не узнал*, / *обознался*, забыл, обманулся...» (1, 204); (*никого не узнал — обознался*); «...никак *не различить* теней *нерезких...*» (1, 205); (*не различить — нерезкий*); «...облака <...> чудо всегда / ваше *беззвучно*. / Оптом, поштучно / ваши стада // движутся *без / шума...*» (4, 68) (*беззвучно — без шума*).

Приведем другие примеры сочетания многочисленных отрицательных конструкций: [читателю] «Ты для меня *не существуешь*; я / в глазах твоих — кириллица, названья... / Но сходство двух систем *небытия* / сильнее, чем двух форм существования. / <...> Ты — все или *никто*, и языка / *безадресная* искренность взаимна» (4, 29); «*Ниоткуда* с любовью,надцатого марта, / дорогой, уважаемый, милая, но *не важно* / даже кто, ибо черт лица, говоря / откровен-

но, не вспомнить уже, не ваш, но / и ничей верный друг вас приветствует с одного / из пяти континентов...» (3, 125).

В заключение приведем слова самого Бродского: «...Основная тенденция русской культуры — это тенденция утешения, тенденция обоснования существующего миропорядка на каком-либо подходящем трансцендентальном уровне. Это не тенденция отрицания — это тенденция оправдания и утешения. <...>

<...> ...В двадцатом веке только у двух-трех писателей можно заметить отход от традиционного восприятия мира, продиктованного русской культурой и литературой, — это Марина Цветаева и Лев Шестов»². Рассмотренный материал позволяет утверждать, что подобный тип восприятия мира характерен и для И. Бродского.

¹ Это неоднократно отмечалось исследователями. См., в частности: Полухина В. Поэтический автопортрет Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. СПб., 1998. С. 145—153.

² *Бродский*: кн. интервью / Сост. В. Полухина. 3-е изд., расш. и испр. М., 2005. С. 334—335.